

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

Бывалый сержант Остапчук сообщил, что с фронта прибыло крупное пополнение, причем все как на подбор — командиры разведрот, штрафбатов, волкодавы-чистильщики, а кто-то клялся, что видел одного с дипломом юриста, но это не конкретно.

— Я так понимаю, Серега, спустят тебя обратно в участковые, — заметил старший товарищ, балуясь кипяточком с превеликим аппетитом.

Акимов возмутился:

— Это с чего вдруг?

— А с того, что с висяками у тебя глушняк, — скаламбурил Остапчук, собирая хлебные крошки и посылая их в рот. — Кроликов бабкиных отыскал? Нет. А «эмку» этого, как его... заслуженного пенсионера наполеоновских кампаний? Который кровь мешками проливал. Ну, ты помнишь. А этот, теткин пропавший отрез, как его, черта аль гиппопотама?

— Мадаполама, — угрюмо подсказал Сергей. Да, эта мадамочка со своей мануфактурой попила у него кровушки.

Сержант продолжал изгаляться и перечислять, тыча пальцами в больное, а Сергей, хотя и скрежетал зубами, внутренне был вынужден признать, что во многом товарищ прав. Он огрызнулся лишь для проформы:

— Хорош гнать-то, — и замолк.

Потому что мыслишка упрямая грызла: а ну как и вправду? Тогда крышка. Полная профнепригодность. А еще и позор. Потому что прилюдная выволочка получается: его, боевого офицера с удостоверением годичных курсов следователей, который, как ни крути, все-таки обезвредил банду домушников, спустить на землю, как в сортир? Тогда уж лучше сразу копать канал какой.

«Да вот пусть попытается, черт кривой. У меня благодарность от самого генерала. Пусть только попробует, иначе...» — храбрился Сергей.

«Иначе что?» — насмешливо вопрошала совесть.

Сам перед собой он должен был признаться: да, с раскрываемостью у него — швах. Фортуна следовательская — дама переменчивая, любит долгие ухаживания, терпение и труд.

У него, Сергея, с ухаживаниями не ладится. Не получалось как следует общаться с людьми, да и работа со свидетелем упрямо не давалась. Потому что тут требовались не быстрота, не нахрап, а умение промолчать, выслушать, подход найти, не напугать, а то и прогнуться. Когда и вдарить мотыгой, но лишь затем, чтобы расчистить русло для потока информации, направить его, куда следует, — и выудить нужное.

И размышлять, честно говоря, он еще не умел. И соображать, понимать логику происходящего, мотивы чужих поступков, не владел наукой выявлять причины и следствия (а то и путал их местами), хватался за первую попавшуюся версию и увязал в ней, по-детски не допуская вариантов.

Всему этому надо было учиться, но для начала — признать себя неучем, и было это безумно трудно.

И вот настал день, когда новое начальство потребовало его к себе. Акимов, намертво придавив сомнения в собственной профпригодности, заносчиво выслушал констатацию того, что и сам знал, — низкий процент, все сроки прошли, жалобы и прочее. Вздернув подбородок, заявил, чуть не звеня от злости:

— Разбираемся как положено. По документам, по удостоверению я — следователь.

Новый начальник, капитан Сорокин Николай Николаевич, был, как и предупреждали, не сахар. Кривой, придирчивый, въедливый. Глаз, говорят, ему еще до войны выбили, поэтому для фронта его забраковали. Все это время он, как с тайным высокомерием полагал Акимов, кантовался по тылам (по чьим, правда, не уточнялось). И вот этим-то единственным глазом — острым и красным от постоянного недосыпа и табачного дыма — он смерил Сергея с макушки до ног, как бы прикидывая, с чего приступить к потрошению. И начал с главного:

— Ты, товарищ Акимов, личинка, а если совсем по-народному, по фене, значит, то — салага. Не скажу «шестерка».

— Да я... — вскинулся Сергей.

— Ты про банду домушников? Так брюхо-то старого не помнит, друг мой. Было и прошло. Можешь забыть, а накрепко другое запомни: твои достижения, и в особенности курсы твои, — это тьфу и растереть. Уровень твой по камест — участковый на земле. На самой что ни на есть окраине, понял?

Акимов, играя желваками, молчал, но уши уже начинали гореть.

— И не вздумай бахвалиться, строить из себя крайнюю справедливость. Мол, я бы сажал, да по рукам дают. Знаю я вас: вчера вылупились,

торбохвата грязного заловили случайно, по его же пьяни, прокурор по шапке надавал — отпустили. И на те, ходят по пивнякам, гимнастерки рвут на грудях: мы, мол, ловим, а оне отпускают.

— Да я... — снова всколыхнулся Акимов, и снова Сорокин прервал его:

— И про «я» забудь. Букву эту забудь. Есть «мы», органы. Мы, милиция. И мы, милиция, на то и работаем, чтобы «оне» не были вынуждены отпускать. «Оне» — это которые пусть и с опытом, и высшим образованием, а, представь, тоже служат такому же советскому правопорядку, законности. Или хочешь сказать, что прокурорские, судейские — наши, советские люди, — спят и видят, как бы всех кровососов — да вновь на волю?

Акимов покачал головой: эва куда руководство занесло, в какие высоты.

— Значит, так. Ты не просто преступника берешь, вываливаешь, как самосвал, — во, я привез, дальше сами-сами. Твое дело — спеленать его так, чтобы у других служителей закона нашего, Основного Закона, — будь то прокурор, эксперт, суд, — были все основания полагать: вот он, преступник, а ни в коем случае не неповинный, честный советский гражданин. Ясно?

— Да не совсем. С одной стороны, вы...

— Я? — прищурился Сорокин.

Вот клещ одноглазый!

— Руководство, — поправился Акимов, — настаиваете: давай скорее, выявить и задержать. А теперь, оказывается, не только держи-хватай, надо еще работать и за людей, как вы правильно говорите, с опытом и высшим образованием. Прокурорские, эксперты, суд — это все потом, а я — первое звено, основа, и от меня все зависит, и если я где напортачу, то все правосознание рухнет. А как мне вот это все обеспечить, без образования и всего такого? Как это вы себе представляете? Технически.

Сорокин внимательно выслушал и скривился, подняв ладонь:

— Все, достаточно. Хитренький ты жук, Акимов. Излагаешь гладко: то есть вы меня не так выучили, а спрашиваете, так?

Акимов начал понимать, что зря он все это начал.

— Теперь возвращаемся к тому, с чего начали: твои курсы следователей. Выучили тебя, друг мой, а дальше — именно сам-сам. Развивайся, анализируй, образовывайся. Чтобы не остаться чуркой с глазами. А главное: с людьми разговаривай, общайся, изучай людей. Стань для них не просто своим или таким же, как они. Им стань. Или ими. Вот с кем общаешься, тем и становись. Только так можно по-настоящему

в душу влезть, так, чтобы люди сами к тебе шли, сами просили выслушать. Понял?

— Тогда, так получается, проще при задержании того... предупредительный в голову, а второй уже — в воздух, — проворчал Акимов.

— Давай, милый, давай, — поддакнул Сорочкин, — если совести, правосознания, — да и — что экивоки разводить — ума не хватает, так и пали. Людей-то у нас еще много осталось, всего-то двадцать миллионов полегло. И тот, по которому палишь не разобравшись, без достаточных на то оснований, он-то, конечно, ничей не муж, не сын, не брат, не руки рабочие. Чего его жалеть.

Ненавидел Акимов такие вот разговоры. И повороты такие. Ведь чувствуешь свою правоту, понимаешь, что в целом прав. А вот на деталях, на косвенном — берет начальство и так вдруг все повернет, что вот уже и уши не краснеют даже, а пылают.

— И что ж, выходит, саботажник я, а не опер? — тяжело, точно булыжники языком ворочая, проговорил он. — Удостоверение на стол, кайло в руки?

— Вот видишь, доходит до тебя, — одобрил капитан, — начал понимать, чего на самом деле стоишь. А все потому, что опыт. Ты боевой офицер, летчик, человек с высокой степенью ответ-

ственности. Самолет тебе доверяли, плод труда тысяч человек. Вот и со всей ответственностью спускайся на землю. Мотай на ус. Ты не думай, что я тебя в ковер закатываю, издеваюсь, ты же сам командовал, понимаешь...

— Я и не думаю.

— Вот и молодец. А то приходит иной пацан, понимаешь, из тех, кому под танки хотелось — да не успели, ему бы пистолет да гранат побольше. И работу свою видит не как созидание, а как разрушение: сплошная погоня, засада, пальба-поножовщина. Будет что девчонкам рассказать...

Сорокин оборвал свою речь и прищурился:

— Сам о таком мечтал?

— Нет, конечно, что я, не понимаю? — огрызнулся Сергей.

— Вот я и говорю, — мирно продолжал Николай Николаевич, — то, что для кумушек на лавочках да для девочек на танцах — героизм, то для нас, сотрудников советских правоохранительных органов, — топорная работа, нечеткие действия при задержании, а то и саботаж. Понимаешь, о чем я?

Акимов заверил, что понимает. Хотя не очень.

— Поспешил. Спугнул. Недоучел. Доказательств мало. Ты пойми: преступник — он не дурак. Если ты все сделал как надо, и он сам

понимает — нет надежды, нет лазейки, то он и сопротивляться не станет. Зачем? Одно дело, если невменяемый — тут я не спорю. Но это исключение, не правило, а на деле нормальный человек — даже головорез — понимает: если все доказано, то идти некуда. Все равно возьмут, только уже с прицепом: сопротивлялся при задержании. И нарисует прокурор — я тебя уверяю, с превеликим удовольствием, — уже не восемь годков, а все десять.

Акимову показалось, что он все-таки уловил какую-то неувязочку, и не преминул по горячности вставить:

— Пряма так-таки некуда идти, Николай Николаевич, скажете тоже. Годами бегают...

Сорокин аж руки потер от удовольствия:

— Прости. Про таких, как я, говорят: связался черт с младенцем. Ждал я твоей ремарочки. Но ты же сам понимаешь, как еще учить-то вас, умников? А на твою реплику отвечу так: если прямо сейчас кто и бегают, то ненадолго это. Эх ты, следовательно! Не было тебя под Берлином в марте-апреле сорок пятого, а то бы...

Акимов насторожился: как же, говорили, по тылам одноглазый кантовался?

— А то бы что? — осторожно спросил он.

— Да ничего. Это со стороны казалось: крах, паника, толпы беженцев. Что ты! Осведомители

работали как часы, о каждом информация поступала минимум из двух источников — от соседа и от жены... ну, не важно. Идею понял?

— Не совсем.

— Поясняю еще раз для особо одаренных, — терпеливо сказал Сорокин. — Если в агонизирующем рейхе система надзора карательного государства продолжала работать в лучшем виде, то как ей не работать у нас, в стране, спянной военными годами, Великой Победой, совместным трудом?

Начальник поднялся, прошелся по кабинету, встал у окна, опершись на подоконник.

— Бегают, говоришь? Ну, пусть бегают, пока есть чем... Бегают, само собой, людей убивают, документы подделывают, да и есть где приткнуться: Западная Украина, Молдавия, Прибалтика, да и Сибирь. Но я тебе так скажу: недолго им бегать, если каждый из нас на своем месте, в своих пределах будет бдительным. Само собой, по тайге, по тундре, да и просто в лесу, еще не разминированном, есть где сховаться, только ведь пытку одиночеством мало кто снесет. Оно, одиночество-то, страшнее голода и тюрьмы, даже самого строгого режима. А среди людей не утаишься, и с каждым годом все труднее и труднее будет.

— Это почему ж так?

— А потому что работает система. Прописка. Паспорта даже в деревне. Потому что и сейчас и в участковых, и в отделах кадров такие зубры сидят — похлеще смершевцев. Потому что проходные с вахтерами, общежития с комендантами, потому что лесники, сторожа со сторожиками — это не считая бдительных пионеров! Вот с этими, мой тебе дружеский совет, в контакте всегда находишься. Бесценные ребята. До всего им дело есть, до всего докопаются, все примечают. И от чистого сердца желают родине послужить. Ясно?

— Так точно.

— Вот так и служи, — подвел черту Николай Николаевич. — Времена трудные, квалифицированных кадров нехватка, бандиты да ворье распоясались, неучтенного оружия фронтовики понавезли, да и после победной амнистии... да. Поднагадили нам. Теперь так. Тут сигнал поступил с Летчика-Испытателя. По дачам лазают. Вот отправляйся туда и разберись, что там да как. Помни только, что там не простые люди, а со связями. Покультурнее, в общем. Проявишь себя как следует — вопрос о том, чтобы на землю тебя спустить, рассмотрим в положительном для тебя ключе. Усек?

— Усек, — угрюмо ответил Акимов.

— Свободен.

* * *

Правильно говорят: беда не приходит одна. Сначала Батошку — Анчуткину подобранную собаку, которая работала грелкой, спала между друзьями-огольцами, — заловили в собачий ящик, потом, прямо перед самыми холодами, свалилась новая напасть.

Власти принялись за разбор завалов. Это как раз когда зима на носу и по ночам уже мерзнешь до костей. Что им приспичило прибираться именно сейчас? Что тут строить, на окраине? Это там, в центрах, возводили огромные дворцы с потолками по три метра, где-то вырастают целыми кварталами трех-, четырех-, пятиэтажки с уже подведенной водой, сортирами в квартирах, с батареями... врут, наверное. Кому это все строить? Где рабочие руки брать? На какие шиши?

Как-то раз, когда уже хорошо подморозило и без Батошкиной шубы у друзей зуб на зуб не попадал, послышался рев мотора и кашель выхлопа, и, выглянув в оконный проем, увидели Анчутка и Пельмень целую армию, как в газете на фото про Сталинград.

— Глянь, фрицы, — просипел Яшка.

Он никак не мог согреться, и старая хворь одолевала его с новой силой: чуть пошеве-

лишься — и кашель, чуть успокоишься, прикорнешь — и свист в груди.

— Что, опять? — возмутился Анчутка, откашливаясь.

— Расстрелять паникера, — скомандовал Пельмень. — Не сопи. Вон наши, со стволами.

Тревога, естественно, оказалась ложной. Просто на окраину доставили пленных на разбор завалов. Было их человек... немало, вполне нормально одеты были фрицы, даже в большинстве своем выбритые и постриженные, как есть не вшивые, а стало быть, и не тифозные. Бодрые, а главное, в целом упитанные.

— Беда, слушай, чего-то вертухаев маловато, — заметил Андрюха.

— А чего ж много-то, куда им деваться? Куда им бежать-то? — рассудительно заметил Яшка.

— Ну, это... нах вест?

— Скажешь тоже. Ну и добежит до первого угла, а там его моментом разъясят.

Пельмень, подумав, согласился: так-то охрана защитит, не даст на расправу, а бежать фрицам до хаузе далеко и незачем. Зима скоро, да и куда деваться без языка и документов.

— Лодыри. Трудно, что ли, язык русский выучить? — недоумевал Яшка.

— А еще говорят, трудолюбивые, мол, фрицы, — заметил Пельмень. — Еле ползают, а

ряхи вон поперек шире. Ночи три-четыре еще спокойно можно перекантоваться, а там поглядим, может, и похиреет в соседний квартал. Пока еще до нас доберутся.

Полдня отработали пленные, разбирая завалы, и Анчутка с Пельменем, которые уже перестали их опасаться, оценили качество их труда и масштаб работы и решили, что никакого смысла нет смываться прямо сейчас.

— Еле клешнями шевелят, — констатировал Анчутка, — только глаза мозолят. Принесла их нелегкая. И так мерзнем до полного окоченения, а теперь уже куда деваться.

Снова послышался шум мотора, отстреливалась очередями прогоревшая выхлопная труба, прокрякал клаксон. К развалинам причалила — совершенно определенно — кухня! Пленные моментально закончили и без того неторопливую, без энтузиазма, работу, зато быстро и четко, как на плацу, выстроились в шеренгу на раздачу.

— Только глянь...

— Вот твою ж бога душу...

Пацаны матерились, подбирали слова, делились впечатлениями: а как иначе? Что ж за дела-то на белом свете? Покрасневшие, соплевые носы услужливо сообщали ссохшимся кишкам: похлебка мясная, каша и... масло! И кому?!